

* * *

Я пиршество земли приемлю как подарок, Пронзительность
весны всё в кулачке храню,
Чуть теплится, но все-таки горит свечи огарок
И Боги помнят путь к изложью моему.

Поющие струи извилистого слова
Вздывают паруса придуманных ветрил —
Но пиршеством земли я осиянна снова,
И соловьиный сад маячит мне вдали.

О, казуистика земной неутолимой воли:
Плащом серебряным прикрыв нетленный торс,
Мой Моцарт над смычком колдует-канифолит,
И вязью сталактита оплывает воск.

Поклевышем цветистости упругой
Всплывает утро, денность возлюбя,
И я, рожденная не дамой, а прислугой,
Внимаю естеству земного бытия.

Простецкой, где-то заплутавшей ноткой,
В хорале праздничном красивейших рулад,
Я замираю на тропе короткой:
Бытийности? Да нет, — земного бытия.

Раскованная твердь земного притяженья —
Земля тюльпаном тужится в ночи,
Плыву в стремнине каждодневного раденья,
Дунайской — в льдинках — прихлебнув воды.

Руками до моря бережно донеси...

* * *

Любая росинка дороже жемчужин в браслетах...
Она появилась... Она исчезает...И в этом
Есть строгая тайна. Как древнего солнца касанье.
Вот в этом: она появилась, она исчезает...

Мы тоже роса — на прохладные травы прилечь бы
Зажмурив глаза. А проснувшись, — друг друга беречь бы.
За горечь ошибок. За чая глотки на вокзалах.
Что мы как роса появились. Что мы — исчезаем.

* * *

Я стою в полумгле, обрываю шиповник,
Он колюч снаружи, колюч изнутри...
Остальное, возможно, и не припомнить.
Остальное, должно быть, перегорит...

Кисло-сладкая ягода золотая...
Мир, в тебе заключенный, светел и цел...
А по небу ангелы пролетают,
Не нуждаясь совсем в витамине С.

* * *

Как падают в море, так больше падать и некуда...
Не стоит меня в этот миг вылавливать неводом,
Когда я все рыбы, все крабы, когда я — соль...
Не стоит меня вытаскивать на песок...

Что скажет, глотая воздух острыми жабрами,
Тебе за попытку спасти от моря душа моя ?
Спасибо тебе, спасибо... Обрати спаси...
Руками до моря бережно донеси.

* * *

Останови мне время, домовой...
Запрячь хоть что-нибудь в пустынном доме...
Заставь искать... Иголкою в соломе
Вдруг свет неуловимо золотой

Над нами вспыхнет. В сумерках вещей
Затерянный — как под крылом у птицы...
И найденное вряд ли пригодится
Кому-нибудь, кроме души моей.

* * *

Горловой голубиный в голубе звук
Обкатает волною острый недуг,
Что застрял где-то в ребрах... Голубь, звеня,
Пролетает сквозь небо и сквозь меня...

Горло голубя — галька... Громко — нельзя...
Горечь смочит волною, если глаза
Ты прикроешь — увидеть:
Голая грань, грохот города, голубь...
Горлом — не рань...

* * *

Собака рывкнет что-то о любви,
По-детски перекрикивая ветер
О вездесущей, о небесной тверди
На безымянные лады свои.

И на ее заливке нет следа
От рук, от слез, от кожаной полоски.
И тает в полумраке голос жесткий
Свободный от ушей и до хвоста.

* * *

Средь призм многоликих что делать простому лучу?
Устав от неоновых вспышек, ты веки смежаешь...
И, словно "спасибо" тому, кто придумал свечу,
Звучит в тебе вечер, которому ты не мешаешь...

Душа, словно рыбка, в самой сердцевине теней,
Не ждет, чтоб чужая наживка спасла от напасти
Остаться в бездонности этой, на этой ничьей
Земле, для которой еще не придуманы снасти...

Обернут в страницу Маямского календаря
Подсолнечник желтый... Как все в этом мире смешалось...
Но бабочку, что застывает в глотке янтаря,
Вдруг выпустит вечер, которому ты не мешаешь...

